Глава 5: Ядовитый укус

Туника поняла, что говорить это было неправильно, как только произнесла это. В том, что случилось с ее отцом, не было вины ее мамы. Когда он умер, это изменило ее, изменило их всех, но Туника была молода, поэтому она выросла такой, какая она есть - беззаботной и счастливой. Однако ее мать замкнулась в себе. Их мать по-прежнему любила их, но той радости, которая была у них в детстве, больше не было.

Она подняла руки: «Я ... мне жаль. Я не ... я не то имела в виду».

Ее мать ничего не сказала. Она была смертельно неподвижна, от чего у Туника действительно побежали мурашки по коже. Туника ждала, что она накричит на нее, придет в ярость и, возможно, даже даст пощечину, но она этого не сделала. Она просто спокойно встала и вошла в дом, не сказав ни единого слова.

Да, это было совсем нехорошо.

Туника выругалась и ударила себя кулаками по голове. Глупая! Зачем я это сказала?

Она последовала за матерью внутрь как раз вовремя, чтобы увидеть, как та подходит к котлу, берет его за ручки и выносит через парадную дверь. Телли встала из-за стола и встала рядом с Туникой, выглядя такой же недоверчивой, как и сама Туника.

«Мам, что ты ...».

И прежде чем они успели что-либо предпринять, их мать вывалила содержимое котла - их ужин - на траву перед домом и отбросила котел в сторону. Затем она спокойно вернулась в дом, выудила из буфета бутылку старого вина и пошла в свою комнату. Она даже не хлопнула дверью, просто аккуратно закрыла ее и заперла на ключ. Ужасающе. Туника предпочла бы, чтобы она кричала. Она знала, как лучше всего справиться с приступом ярости.

Телли долго смотрела на дверь комнаты своей матери, прежде чем повернуться к сестре: «Что, черт возьми, ты ей сказала?».

Туника выдвинула стул, плюхнулась в него и прижалась лбом к столу: «Я сказала что-то плохое».

«Насколько это плохо?».

Туника повторила то, что она сказала матери. Телли ахнула, что показалось Тунике весьма странным, но, будучи очень драматичным человеком, Туника не могла судить об этом: «Туника...».

Она застонала: «Я знаю».

Телли села рядом с ней и забарабанила пальцами по столу: «Тебе лучше дать ей остыть сегодня вечером. Она может сказать что-нибудь такое, о чем мы все пожалеем, если ты сейчас пойдешь туда».

«Да, может быть».

Ее сестра встала и подошла к шкафам: «Я посмотрю, смогу ли я приготовить нам что-нибудь на ужин».

«Спасибо».

И вот, они молчали остаток вечера, единственным звуком была готовка ее сестры и то, как они ели, когда она заканчивала. Закончив, они вымыли посуду и на этом закончили. Ни та, ни другая не были в настроении много разговаривать. Туника ненавидела себя за то, что сказала.

Она забралась в укромный уголок своей спальни под грибовидной крышей. Она делила это скудное пространство со своей сестрой, хотя Телли решила остаться внизу и почитать еще немного. Туника это устраивало, так как она хотела побыть одна.

Вскоре ее виноватые мысли сменились сонливостью, которая перешла в сон, и ночь без сновидений охватила ее.

□□□

Ночь, проведенная без сновидений, не слишком улучшила настроение Туники. На самом деле, это только ухудшило ситуацию.

Она скатилась с кровати, испытывая приступ вины и гнева. Чувство вины за то, что она сказала своей матери, и гнев из-за того, что мама заставила ее чувствовать себя так. Она хотела, чтобы ничего не изменилось, чтобы они могли быть такими, какими должны быть мать и дочь, но Туника не собиралась поступаться своей сущностью, кем она была, чтобы угодить своей матери.

Ей не следовало говорить то, что она сказала, и от этого уже никуда нельзя было деться. В любом случае, ее мать должна была любить и принимать ее такой, какая она есть, вместо того, чтобы постоянно пытаться сделать Тунику такой, какой она хотела видеть свою дочь. Это приводило в бешенство. Тунике не нравилось, что ее загоняли в рамки благочестия. Она хотела быть той, кем, черт возьми, хотела быть сама.

Уже рассвело, и она услышала, как внизу ее мать что-то готовит. Они все еще не сказали друг другу ни слова со вчерашнего вечера, и даже сейчас Туника была не в настроении

разговаривать, поэтому она выкатилась из постели так тихо, как только могла. Она натянула какие-то шорты и коротко обрезанную рубашку без рукавов, обнажавшую ее живот. Те, кто живет в Аль-Севаре, сочли бы ее наряд скандальным, рискованным, но в дикой местности было жарко.

Телли все еще спала в своем спальном мешке рядом с ней. К счастью, она крепко спала.

Одевшись, Туника подхватила свой лук, колчан, рюкзак и спустилась по лестнице из их укромного уголка. Лестница заскрипела, но звук готовящейся пищи был таким громким, что ее мать ничего не заметила.

Мама стояла к ней спиной. Оказавшись на полу, Туника подобрала свои ботинки и прокралась к задней двери, поскольку она не скрипела, когда ее открывали. Так тихо, как только могла, она приоткрыла ее и протиснулась наружу, затем закрыла за собой без единого слышимого щелчка. Потом она надела ботинки и ушла.

Не желая встречаться со своими друзьями или иметь дело с любезностями односельчан, она перепрыгнула через невысокий забор вокруг своего дома и направилась к северо-восточному краю городского духовного барьера и тоже перепрыгнула его, затем обогнула деревню и направилась на юг, в дикие места.

Ее мать была бы вне себя от ярости из-за того, что она снова сбежала, но Туника не могла оставаться рядом с ней. Она не была готова к разговору, который им был необходим. Она все еще злилась, и ее мать тоже, и они обе говорили друг другу глупости, когда злились. Не нужно усугублять ситуацию. Как только она остынет, Туника вернется и извинится.

Но это будет позже. А пока ей нужно было заняться исследованиями.

Туника несколько часов шла пешком на юг, в стороне от проторенных троп и «официальных» дорог, которые аль-севаранцы так отчаянно пытались поддерживать, чтобы навести хоть какое-то подобие порядка в дикой местности. Но они были названы дикими не просто так. Их нельзя было приручить, и пытаться поступить иначе было глупо. Аль-севаранцы были глубоко глупым и упрямым народом.

На этот раз она не увидела ничего слишком опасного, хотя вдалеке заметила манлистора, который был неуклюжим монстром-духом с белой фарфоровой маской вместо лица. Они подпитывались чужим страхом, и их нужно было избегать любой ценой. К счастью, этот монстр ее не заметил.

Через некоторое время она перепрыгнула через ручей и вышла на цветущую поляну с несколькими срубленными деревьями. Она села на одно из них и вытянула ноги, подставив глаза солнцу, которое нашло дыру в грибном пологе, чтобы светить сквозь нее. Это был идеальный день, которым она будет наслаждаться до тех пор, пока ей не придется вернуться домой и испортить его новой ссорой с матерью.

Исходя из этого, она решила нарвать букет желтых и белых цветов, растущих вокруг нее. Она узнала гвоздики и что-то похожее на лаванду, но поняла, что это было не совсем то.

Когда она собирала букет, ей пришлось остановиться и полюбоваться цветком, которого она никогда раньше не видела.

Это было захватывающе. Яркие лепестки, которые казались почти радужными на свету, переливались между оттенками синего и фиолетового. Центр лепестков был насыщенного золотисто-оранжевого цвета. Она никогда не видела ничего подобного. С улыбкой она достала свой альбом для рисования и запечатлела его для памяти. Люди думали, что ей просто нравится забираться в дикую местность и валять дурака - что она и делала - но ее настоящей страстью были растения.

Она любила их. Ей нравилось рисовать их и изучать. Она экспериментировала с лепестками и нектарами в напитках. У них больше не было профессионального аптекаря с тех пор, как мисс Колдуин умерла несколько лет назад, и она не оставила ученика, чтобы он продолжил ее практику, так что Туника не у кого было учиться, но, тем не менее, ее страсть принадлежала ей, и она разжигала этот огонь при любой возможности.

Конечно, она также рисовала и изучала животных, но, конечно же, не могла проводить над ними эксперименты, какой бы любопытной она ни была. Природа была идеально сбалансирована, прекрасна, и она никогда не проявила бы к этому неуважения. Все здесь было драгоценным, подарком, которым нужно было дорожить.

Конечно, мясо по-прежнему было в меню, но она всегда возносила молитву богам природы, когда стреляла в кого-нибудь. Это было единственно правильным.

Как только она закончила свой набросок, ей захотелось, чтобы у нее было немного цветной пастели, чтобы она могла по-настоящему передать его суть. Вместо этого она убрала свой дневник обратно в рюкзак, сорвала еще несколько цветов, взяла свой лук и продолжила свой путь.

Еще через час ходьбы на юг и несколько бесед с игривыми духами она наткнулась на кое-что еще, чего никогда раньше не видела: новое существо, которое ей обязательно нужно было нарисовать.

Впереди нее, рядом с гниющим грибным стеблем, сидело странное маленькое животное. Он был очень похож на кролика, только у него был фиолетовый мех, а вместо маленького пушистого хвостика его зад украшал длинный и скользкий змеиный хвост. Туника никогда не видела подобного животного, но слышала истории о нем и знала, что его называли - кобранни.

Туника абсолютно любила все, что она считала милым и очаровательным, и кобранни вполне подходил под это описание. Она на цыпочках приблизилась к существу, изо всех сил стараясь никоим образом его не напугать. Животное подняло голову от поедания травы и уставилось на нее. Оно пошевелило своим маленьким, похожим на пуговицу носом и посмотрело на нее, как

догадалась Туника, одновременно с осторожностью и любопытством. Она продолжала подкрадываться к животному, а оно, в свою очередь, продолжало смотреть на нее с подозрением, но не убегало. Туника ожидала, что малышка убежит в любую секунду, но она стояла неподвижно.

Кобранни все еще не двигалась, и теперь Туника стояла перед ним. Она присела на корточки так, что он оказался почти на уровне ее лица. Животное продолжало с любопытством наблюдать за ней. Она протянула руку и начала почесывать волоски на его милой маленькой головке, между длинными ушами.

«Какой ты милый маленький питомец», - сказала Туника, хихикая: «У нас дома нет никого похожего на тебя».

Туника не смогла сдержать лучезарной улыбки, нежно поглаживая кобранни. Она обожала его пушистость и отчаянно хотела забрать его с собой домой. Она была уверена, что Телли это тоже понравилось бы. Еще несколько минут она продолжала гладить своего нового пушистого друга, и они оба казались настолько довольными, насколько это было возможно.

Вот тогда-то все и пошло наперекосяк.

Волоски на голове и позвоночнике кобранни встали дыбом, и от существа внезапно повеяло враждебностью. Туника посмотрел на него сверху вниз и увидел новый красноватый блеск в его глазах. Внезапно ее чувство удивления рассеялось, немедленно сменившись страхом. Кобранни отпрянула от ее руки и обнажила два длинных, острых и злобных клыка, и прежде чем Туника успела даже подумать о том, чтобы отстраниться, кобранни сделала выпад и укусила ее за руку.

Туника закричала.

Клыки кобранни вонзились в ее татуированное предплечье и вызвали ужасную, жгучую боль, пронзившую ее насквозь. Туника отшвырнула маленького демона, а затем бесцеремонно отпрянула и упала на задницу. Она прижала раненую руку к груди, желая, чтобы боль оставила ее, но стало только хуже. Слезы защипали ей глаза, когда горячая боль распространилась по всей руке. Она посмотрела вниз на рану, и от того, что она увидела, ей захотелось заплакать еще сильнее.

Рана уже почернела, и вены, отходящие от нее, тоже были черными. Вся ее рука почернела. Яд … мощный яд.

Туника оглянулась на укусившего ее зверя, и ее сердце чуть не остановилось. Кобранни был уже не один, а в окружении десятков своих собратьев. Все они сидели молча и бездушно смотрели на Тунику, готовые и ждущие, когда яд сделает свое дело. Сотня глаз, сотня клыков, готовых покончить с ней.

У Туники и в мыслях не было, чтобы облегчать им задачу.

http://tl.rulate.ru/book/91388/3018894